

Ярослав Ганеш

Истории из КОМЫ

*Твои злодеяния ломали судьбы.
Добро, совершенное тобой, спасет
человечество*

18+

Ярослав Ганеш

Истории из комы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42577780

SelfPub; 2019

Аннотация

Главный герой этой книги – человек далеко не безгрешный. Он совершил много зла и, как многие, осознал это слишком поздно. Сейчас старик лежит в коме. Тьма перед ним практически беспросветна. Шансов на выздоровление – не больше чем у однорукого переплыть реку. Единственная надежда – мальчик. Он каждый день приходит в палату к нашему герою и читает ему сборник рассказов под названием «Пять историй подонка». Что это за книга и почему мальчик читает именно ее? Удастся ли разбудить старика? Ответы вы найдёте здесь.

Содержание

Глава 1	5
Рассказ первый	7
Глава 2	26
Рассказ второй	28
Глава 3	39
Рассказ третий	41
Глава 4	51
Рассказ четвертый	53
Глава 5	64
Рассказ пятый	65

«Человек не становится человеком только потому, что он родился с двумя ногами и с двумя руками. Маугли не мог говорить, Маугли только мог выть, орать, рвать зубами и нюхать собственные экскременты. Больше ничего Маугли не мог.

Маугли становится человеком только тогда, когда у него есть родители, он идёт в школу, потом в институт. Он учится, читает книги. Только тогда, когда он не говорит себе: «Я – такой, какой я есть». Потому что самая отвратительная фраза – это «будь собой». Скажи её попробуй мерзавцу или убийце... что из этого получится? Фраза должна быть «будь человеком», но человеком не становятся просто так... это огромная работа над собой, над собственными чудовищными, корявыми, гнусными проявлениями... Только работа с этим позволяет человеку быть человеком».

Алексей Серебряков

Истории из комы

Глава 1

Темнота. Сколько лет я закован в ней? Она поглощает меня. Она покрыла меня от пят до подбородка, и скоро я не смогу дышать. Единственная надежда на рассвет. На то, что в этот раз он придет вовремя и снова сумеет убить ее. Не даст мне задохнуться, и я смогу видеть, слышать, чувствовать.

Парень четырнадцати лет. Рыжие волосы, пухлые щеки, покрытые веснушками. Слишком толстый для своего возраста и совсем не подходящий для этого мира.

Он заходит в больницу, здоровается с медсестрой на стойке. Она кивает ему в ответ, ведь знает его уже не первый год.

Мальчик подходит к лифту и поднимается на третий этаж. Палата № 34 не заперта, хотя ручка, как обычно, немного заедает, и дверь открывается с уже знакомым скрипом.

В комнате темно. Старик лежит на больничной койке неподвижно. Слышен лишь шум аппарата искусственной вентиляции легких и монотонные удары пульса на кардиографе.

Первым делом мальчик распахивает шторы, впуская дневной свет. Он открывает окно, и комнату заполняет теплый майский воздух. «Теперь гораздо лучше», – думает он.

Комната оживает. В ней слышны шум машин, шелест кленовых листьев и сплетни медсестер из открытого окна ординаторской. Теперь гораздо лучше.

Мальчик подставляет к койке стул и достает из школьного ранца две книги.

– Какую выберешь в этот раз? – обращается он к старику и смотрит на кардиограф. Пульс повышается на одну отметку. – Точно? – переспрашивает мальчик. Пульс не меняется. Мальчик открывает верхнюю книгу.

Книга небольшая. На ней крупным шрифтом написано: «Пять историй подонка». Мальчик начинает читать. Он старается выговаривать каждую букву и каждый слог.

Рассказ первый

Самый неблагополучный район города. Потрепанная школа, здание которой скорее подошло бы для колонии. Ученики – в большинстве отпрыски тех, чья бедность далеко за чертой. Класс, в который преподаватели идут с опаской. Эти монстры способны пошатнуть самую стойкую психику, зато на ковре у директора они делают такие овечьи глазки, что даже этот старый волк выписывает им очередное «последнее» предупреждение.

Подростки часто жестоки. Переходный возраст для лишенных благ нередко выливается озлобленностью. Впрочем, не для всех: даже в этом классе есть добрые дети, хотя для них эта доброта чаще всего становится приговором.

На подоконнике напротив класса выстроены школьные ранцы. Звонок. Входить никто не торопится. Все смиренно ждут преподавателя по литературе. Старуха в сером затертом костюме, шаркая ногами, подходит к двери. Она не подозревает, что там ее ждет весьма необычное приветствие.

Старуха дергает за ручку и, входя, падает на стол. Сюрприз очень оригинальный. Самые отверженные «смельчаки» успели перед уроком подтащить стол вплотную к двери. На полиэтиленовой скатерти они оставили предновогодние подарки: использованные жвачки, шоколадные батончики (очень похожие, по их мнению, на собачьи экскременты),

плевки, кто-то даже не пожалел три презерватива.

Преподавательница натывается на праздничный стол и, упав на него, пачкает оба рукава в угощениях. Маленькие монстры приходят в восторг. Не все, конечно. Некоторые молча стоят в стороне.

Старуха снимает скатерть, делая вид, что их сюрприз остался без внимания. Она оттаскивает стол к окну и вытирает салфетками испачканные рукава.

Ученики хватают свои ранцы и, забегая в класс, рассаживаются по местам. Нетрудно догадаться, кто здесь кто. Спереди усаживаются самые тихони. В центральном ряду два первых места, как обычно, заняты близнецами. Ксероксы – такое оригинальное прозвище придумали им одноклассники. Семен и Дэн на самом деле одинаковые только для незнакомцев. Люди, встречающие их больше нескольких раз, легко могут заметить отличия. Семен, например, на три сантиметра выше, на пять килограммов стройнее и вполтину глупее Дэна. Весь класс ненавидит их. Нет, не за то, что они близнецы, и даже не за любовь к ним преподавателей. Дед – депутат городского совета – вот главная причина ненависти одноклассников. Питание, одежда и учебники у них гораздо дороже, и это преимущество сверстники никак не способны им простить.

Урок начинается. На вопрос старухи, кто хочет рассказать о повести Булгакова «Собачье сердце», первыми изъявляют желание в виде протянутых рук близнецы. Однако старая

учительница пусть и не подала виду, но обиду затаила немалую. Она уже предвкушает, как сейчас расплатится двойками со своими обидчиками. Благо вычислить их совершенно не трудно. Задний ряд. Самые мерзкие ублюдки в классе. Да что там – во всей школе, ведь боятся их даже выпускники. В свои четырнадцать они уже хорошо знакомы с алкоголем, сигаретами и слабыми наркотиками. Некоторые из них успели совершить свои первые легкие преступления, не раскрытые только из-за лени местной полиции. Впрочем, сегодня они обнаглели настолько, что притащили бутылку дешевой водки прямо на урок. Портфель с бутылкой кочует по заднему ряду. Преподавательница, даже вооруженная очками с толстой оправой, упускает это из виду. Пьют на заднем ряду не все. Один, как всегда, отказывается. Он выше всех в классе. Все самые жестокие идеи обычно вылетают из его уст.

Зовут подростка Глеб, и сегодняшний сюрприз для учительницы – полностью его идея. Не пьет он только потому, что играет в одной из футбольных академий. В первых классах у Глеба и в учебе выходило неплохо преуспевать, вот только спорт полностью уничтожил в нем стремление к знаниям. Ну и, конечно, девушки. Большая половина класса давно и безнадежно влюблена в него. Футболисту же нравятся девицы постарше. На перемене он снова будет обжиматься на лестнице с красоткой из выпускного класса, прекрасно созревшей для шестнадцати лет.

Но сейчас ему придется выйти к доске. Преподаватель-

ница, ткнув указкой в небо, попадает в птицу с самым испачканным клювом. Глеб выходит. Его походка медленная и уверенная, хотя он даже не имеет понятия, какой предмет они изучают в данный момент.

– Итак, что я думаю о собачьем сердце? – повторяет он вопрос старухи. – Собачье сердце мало чем отличается от человеческого. Не зря ведь собака – лучший друг человека, это все потому, что сердечно-сосудистая система у собак и людей очень похожа.

Весь класс начинает смеяться и аплодировать. Футболист отвечает поклон.

– Прекрасный ответ, – говорит старуха. – Ваши познания в литературе превосходны. Садитесь, два.

– Конечно, – замечает Семен. – Это вам не мяч пинать.

Очень зря он это сказал. Глеб, проходя мимо, как бы случайно задевает парту близнецов, и она ребром ударяет Семена в живот.

– Прошу прощения, – говорит футболист и, наклоняясь, добавляет Семену на ухо: – Молись, сукин сын.

Весь задний ряд получает неуды от разгневанной старухи, которая уверена, что им не наплевать на оценки. Семен долго и скучно рассуждает о произведении Булгакова у доски. Он часто поглядывает на Алису, утонченную брюнетку, стриженную под каре. Уже не первый год она получает записки со стихами его собственного сочинения. Безрезультатно. Все послания девушка прячет в карман и даже не смот-

рит на своего поклонника после прочтения.

Звонок. Учеба на сегодня окончена. Близнецы заходят в гардероб и надевают одинаковые пуховики, идентичные шапки, обматывают шеи шарфами – на удивление, разного цвета. Они выходят на школьное крыльцо, даже не подозревая, что здесь их уже заждались. Десятки снежных ядер летят в братьев. Уворачиваясь и закрывая руками лица, близнецы спускаются по ступенькам, пытаясь удрать. Напрасно. Это у них никак не выйдет. Под школой стоит целая толпа ребят. В основном зеваки, но десять человек намерены не дать им уйти домой. Возглавляет шайку Глеб.

– Ну что, господин ученый! – обращается он к Семену. – Сейчас посмотрим, как помогут тебе твои знания.

– Нам домой нужно, – вмешивается Дэн.

– Конечно, – иронично произносит Глеб. – Уроки сами себя не выучат.

– Чего ты хочешь от нас? – спрашивает Семен, со страхом глядя на футболиста.

– Я покажу тебе, чем полезно мяч пинать.

– Давай! Врежь ему! – воодушевленно доносится из толпы.

Футболист хватает Семена за шиворот. Пригибаясь, он бьет его головой, попадая в переносицу.

– Гол! – кричит он.

Семен падает в сугроб. Глеб принимается молотить его ногами. Из носа Семена льется кровь, оставляя пятна на сне-

гу. Он скручивается, закрываясь от ударов. В толпе парень видит Алису, и от этого удары становятся еще более болезненными.

– Ну что? – кричит футболист. – Неужели в книгах об этом не писали?

Сзади на него набрасывается Дэн. Один удар локтем – и он тоже оказывается на снегу. Футболист продолжает показывать свой фирменный удар с подъема теперь на Дэне.

– Два-ноль! – кричит он и замолкает от удара, пришедшего ему в затылок. Толпа издает удивленные возгласы. Такого от Семена не ожидал никто. Он сумел обескуражить вожака. Впрочем, лишь на несколько мгновений. Придя в себя, Глеб обрушивает свою ярость на Семена с новой силой. Удар в челюсть показывает реальный расклад сил. Семен падает в снег без шансов на еще один раунд.

Толпа зевак ликует, но в один момент замолкает и разбегается. На пороге появляются директор и два завуча. Сегодня футболист пропустит тренировку и до самого вечера будет выслушивать мораль о собственной жестокости. На следующий день придет дед близнецов, и его приговором будет заявление в полицию, где Глеба поставят на учет. В футбольной академии он останется только благодаря таланту и полному раскаянию.

Прошло еще одно полугодие. Сколько же издевательств вытерпели близнецы за это время. После того случая их, конечно, не избивали, но лучше бы это, чем вечные скрытые

пакости. Им смазывали ручки красным перцем, выбрасывали одежду после физкультуры, когда они были в душе, добавляли красители в шампунь. Их делали посмешищами.

Долгожданный последний звонок. Учебный год заканчивается. На все лето братья запланировали отправиться в деревню, где никто не будет издеваться над ними. Со следующего года они намерены перейти в колледж. В нем учатся дети более обеспеченных родителей, и там они надеются быть ничем не примечательней других.

Семен пишет последнее любовное стихотворение Алисе. От нее в этот раз приходит ответ: «Сегодня будет школьная дискотека, – написано ее аккуратным почерком. – Очень хочу там тебя увидеть».

Сердце Семена едва не вырывается из грудной клетки. Он настолько взволнован, что лицо его сливается с бордовым пиджаком. Парень пишет на записке: «Я обязательно приду», – и рисует сердечко с пронзающей его стрелой.

Весь день Семен умоляет предков отпустить их с братом на дискотеку. Наконец дед дает добро, и они надевают новые футболки – на удивление, разные.

Школьная дискотека. В спортивном зале приглушили свет и расставили большие колонки. На входе в школу стоит директор, следя, чтобы никто не протащил с собой алкоголь. Близнецы, наверное, единственные, кто не напился заблаговременно. Даже футболист сегодня выпил несколько рюмок водки.

Близнецы заходят в зал. Громкая музыка и приглушенный свет вызывают в них немало дискомфорта. Еще больше не по себе им становится от толпы, которая явно не состоит из доброжелателей. Они садятся на лавке в дальнем углу зала, но остаться незамеченными не получается. Футболист их уже заметил. Глеб разворачивается к близнецам и нарочно усиливает агрессивность своего и так не скромного танца. На его лице ухмылка.

Через мгновение Семен забывает о существовании врага. В танце подвыпивших чертей он замечает грациозные движения ангела. Алиса. Семен чувствует, как по телу растекается тепло. В голове туман. Несмотря на все старания в учебе, он чувствует себя совершенно глупым. Глупым и счастливым. «Наверное, все глупые люди счастливы», – думает он. Но дальше голова становится и вовсе недееспособной. Алиса направляется к нему. На ней легкое красное платье. Семен смотрит на ее стройные ноги и изящные плечи. Чем ближе она подходит, тем сильнее стучит его сердце.

– Привет. Почему вы здесь прячетесь? – спрашивает Алиса. – Пойдемте танцевать.

Семен не в состоянии сказать ни слова. В его горло словно затолкали мячик для пинг-понга.

– Мы не хотим, – отвечает Дэн.

– Такой ответ не принимается, – продолжает настаивать Алиса. Семен чувствует ее запах. Ему всегда нравилось, когда она проходила возле его парты и оттенок ее аромата еще

на несколько секунд оставался в воздухе. Сегодня от девушки пахнет гораздо интенсивнее, и сейчас он готов пойти за ней даже в логово, кишашее монстрами.

– Это вечеринка для всей школы, и никто не имеет права отказывать себе в танце.

Дэн продолжает стоять на своем.

– Но мы не...

– Пойдем, – перебивает его Семен.

Алиса ведет братьев в самый центр толпы. Глеб провожает их с той же скользкой ухмылкой, реагирует на которую сейчас только Дэн. Семен же продолжает мысленно кружиться над землей, держа в своих мечтах Алису за руки.

Танец близнецов привлекает всеобщее внимание. Они пружинят на ногах, подобно кроликам. Включается медленная песня. Братья косятся на лавку. Семен точно знает, что пригласить Алису у него не хватит мужества.

– Пригласишь меня? – обращается она к нему. Семен оглядывается назад, словно считая себя прозрачным.

– Конечно, – мямлит он, осознавая наконец, что девушка обратилась к нему.

Семен кладет дрожащие руки Алисе на талию. «Только бы не оттоптать ей ноги», – думает он.

– Расслабься, – говорит Алиса. – Это нетрудно, главное – слушать музыку.

Они танцуют. Семен двигается, полностью поддаваясь ее движениям. Алиса прекрасна. Ее аромат – самое совершен-

ное в этом мире. Наверное, даже совершенней романа «Мастер и Маргарита», который он недавно перечитывал в четвертый раз. Песня заканчивается, и он целует ей руку, абсолютно не замечая, какой смех вызывает этим у окружающих.

На следующей медленной песне Семен осмеливается пригласить Алису еще раз. Но теперь ее крадет футболист. Девушка пожимает плечами, замечая, как Семен застывает на месте, опереженный на мгновение. Танцующие проделывают полкруга, и он видит средний палец Глеба, от ухмылки которого его обдает холодом. Еще больший холод пронизывает Семена, когда футболист кладет свои пальцы на ее поясницу, намного ниже приличной высоты.

Следующий медленный танец его. Алиса снова в объятиях Семена, и он опять огорчается, что песня закончилась так быстро.

– Мы собираемся продолжить на квартире у Крис, – говорит Алиса после того, как он целует ей руку. – Пойдешь со мной?

– Мне нужно посоветоваться с братом, – отвечает Семен. – Но думаю, он не будет против.

Семен с глупым от влюбленности лицом подходит к брату.

– Алиса пригласила нас продолжить у Крис.

– Ты совсем из ума выжил? – недовольно отвечает Дэн. – Разве ты не видишь, как они смеются над тобой?

– Ты просто завидуешь мне.

– Чему мне завидовать? Не я же выгляжу посмешищем.

– Ты не можешь смириться с тем, что я кому-то понравился.

– Иди куда хочешь, но я в этом участвовать не собираюсь. Алиса подходит еще до окончания дискотеки.

– Вы готовы к настоящей вечеринке? – спрашивает она.

– Пойдем, прошу тебя, – говорит Семен на ухо Дэну. Тот недоволен, но соглашается.

До того как предки начнут беспокоиться, у них есть еще полтора часа. Они спускаются со школьного крыльца и направляются к дому, в котором живет Крис. «Как у такого милого создания может быть настолько мерзкая подруга?» – думает Семен. Кристина очень полная. Ее лицо покрыто подростковыми угрями, волосы тонкие и жирные, а металлические скобы на зубах и вовсе отнимают у нее любые перспективы на поцелуй. Ни один парень не удостоит ее взгляда, кроме как сочувствующего или презирающего.

Вчетвером они поднимаются на лифте. Пятый этаж. У двери Дэн останавливает Семена.

– Мы сейчас подойдем, – говорит он девушкам. Крис и Алиса скрываются за дверью.

– Ты опять? – недоволен спрашивает Семен.

– Пойдем отсюда, – отвечает Дэн. – У меня плохое предчувствие.

– Как же меня достала твоя трусость. Как меня достала эта семья, которая не позволяет мне и дышать без своего контроля.

– Не говори так.

– А что, неправда? Нам разрешают только учиться. Они хотят сделать нас лишь удобными для себя.

– Они хотят нам добра, ты знаешь.

– А я не хочу добра, я хочу делать то, что мне хочется.

– Прошу тебя, пойдем домой.

– Иди куда хочешь, а я остаюсь! – кричит Семен, отталкивая Дэна и направляясь к двери.

Дэн подходит к брату и хватает его за плечо. Семен разворачивается и отвешивает ему пощечину. В глазах Дэна полная обескураженность. Он бросается на Семена. Близнецы душат друг друга.

– Прекратите! – слышат они голос Алисы. – Вы же братья! Что вы творите?

Близнецы отпускают друг друга. Алиса тянет их в квартиру. Дэн соглашается войти, недовольно глядя на брата.

Двухкомнатная квартира выглядит очень просторной и настолько же убогой.

Они садятся за кухонный стол. Кристина достает из холодильника пиво.

– Будете? – спрашивает она близнецов.

– Разве вам уже можно алкоголь? – озадаченно смотрит Дэн.

– Это всего лишь пиво, – отвечает Кристина. – Неужели вы никогда не пробовали?

– Нет, но мне всегда было интересно, – говорит Семен.

Алиса достает из сумочки пачку тонких сигарет. Открывает окно и закуривает.

– Сигареты вы тоже не пробовали? – спрашивает она.

– От сигарет можно заиметь рак, – говорит Дэн. – А алкоголь делает людей податливыми рабами систем.

– Это тебе предки сказали? – начинает смеяться Алиса.

– Дедушка.

– А сам он никогда не курит и не пьет?

– Иногда выпивает, но не много.

– Так почему тебе нельзя?

Вопрос остается без ответа. Крис открывает бутылки, и все делают по глотку.

– Ну как? – спрашивает Алиса.

– Вкус еще хуже, чем запах, – отвечает Дэн, кривя лицо.

– А мне нравится, – говорит Семен, делая следующий глоток.

– Тут дело вовсе не во вкусе, – произносит Алиса, выдувая дым в окно. Семен вспоминает слова деда о том, что все курящие девушки – шлюхи. Но Алиса с сигаретой нравится ему ничуть не меньше. Наоборот, есть в этом какой-то протест, какая-то свобода. – Алкоголь делает людей смелыми и счастливыми. Может, твой дед не желает видеть тебя счастливым? – снова смеется она.

– А где твоя мама? – спрашивает Дэн у Кристины, уходя от неловкого вопроса.

– Она уехала в командировку на неделю. Как обычно –

неделю здесь, неделю там, – улыбается Крис, оголяя скобы. – Мне иногда кажется, что у нее там есть еще одна дочь.

– Как же тебе повезло, – говорит Алиса, выбрасывая окурок в окно. – Если бы мои предки оставляли меня в покое хотя бы на одну неделю в месяц, я бы, может, даже полюбила бы их.

Близнецы впервые ощущают действие алкоголя. В голове Семена он еще больше обостряет чувства к Алисе. С каждым глотком парень становится все увереннее в том, что сегодня ему хватит смелости ее поцеловать. Не просто же так она его сюда пригласила?

Дэн перестает чувствовать себя чужим в квартире. Он начинает много разговаривать, вкус пива ему нравится.

Раздается звонок в дверь. Близнецы переглядываются.

– Вы кого-то ждете? – спрашивает Дэн у Кристины.

– Это парни, наверное, – отвечает она, направляясь к двери.

На пороге стоит Глеб. За ним верная свита малолетних разбойников. На плече футболист держит магнитофон, прижатый правой рукой, а левой он встряхивает пакет, отзывающийся стеклянным звоном.

– Похоже, нам пора, – говорит Дэн, приподнимаясь со стула.

– Успокойся, – останавливает его Алиса. – Сегодня праздник для всех. Вы же со следующего года переходите в колледж, не пора ли забыть старые обиды?

– Не дрейфь, малой, – кричит футболист. Его глаза, слегка подкошенные алкоголем, кажутся Дэну еще более ненавистными. – Сегодня половина из нас наконец-то уходит из этой тюряги. Так что давайте забудем старое.

Компания перемещается в комнату. Возле большого дивана парни раскладывают стол, на котором из пакета появляется бутылка дешевой водки и несколько бутылок дешевого пива. Футболист включает магнитофон в розетку. Из колонок с шипением раздается рэп.

Алиса сидит на диване возле Семена, который набрался смелости ее обнять. Крис достает рюмки и стаканы. Футболист наливает водку.

– Ну, за свободу! – говорит он. – За то, что теперь никто не посмеет нам указывать, как себя вести.

– Отличный тост, – говорит Семен, протягивая рюмку.

Все выпивают. Дэн кривит лицо, кашляя от крепости дешевого суррогата, и жадно смотрит на стол в поисках воды.

– Запей пивком, – улыбается футболист.

Семену вкус тоже кажется мерзким, но он не подает виду, пытаясь произвести впечатление на Алису.

Свет в комнате гаснет. Лишь старый телевизор оставляет небольшую видимость. Семен гладит ладонь Алисы, которая послушно лежит в его руке. «Самый прекрасный день», – думает он. Даже лучше дня, когда они катались на лыжах в заснеженных горах.

– Пойдем, – шепчет ему на ухо Алиса и, поднимаясь, тянет

Семена за собой. Они выходят в коридор, и она ведет его в комнату Крис.

Дэн тем временем закуривает свою первую сигарету. Он кашляет от дыма, скоблящего легкие, но после третьей затяжки ему начинает нравиться. В голове стелется туман, а внутри растекается тепло. «Как предки могли запрещать это все?» – думает он. Алкоголь сделал его ярким. Теперь он не хуже остальных. Сейчас ему не страшен даже футболист, с которым он чокается очередной рюмкой водки.

В комнате Крис Алиса и Семен падают на кровать. Он обнимает ее и лезет целоваться. Она закрывает его губы пальцем.

– Подожди, – нежно произносит Алиса. – Я сейчас вернусь.

Голова Дэна тем временем начинает гудеть. К горлу подступает резкая тошнота. Он убегает в туалет.

Алиса врывается в комнату к ребятам и, улыбаясь, расставляет в стороны руки.

– Он готов? – тихо спрашивает футболист. Алиса утвердительно кивает.

Вся компашка вваливается в комнату Кристины. Глеб включает свет. В его руках Nokia с включенным режимом видео. Ее они украли у пьяного мужчины на остановке позавтрашней ночью.

Семен лежит на кровати абсолютно голый. Увидев толпу, он закрывается руками и смотрит по сторонам в поисках

одежды.

– Не это ищешь? – спрашивает Алиса, прокручивая на указательном пальце трусы с изображением Микки Мауса.

Семен заворачивается в покрывало под дикий смех толпы.

– Где Дэн? – кричит он.

– Точно, – улыбается Глеб. – О втором мы совершенно забыли.

Вся компания направляется в туалет. Открывая дверь, они видят, как Дэн обнимает унитаза. Футболист подходит к нему.

– Ну как вам сегодняшняя вечеринка? – спрашивает он, поднося камеру к лицу близнеца. Дэн издает рвотные звуки.

– Ты справилась превосходно, – обнимает футболист Алису.

– Это насколько нужно быть глупым, чтобы поверить, что он на самом деле мне понравился?.. – спрашивает Алиса.

Через неделю близнецы катаются на своих новеньких велосипедах, которые подарил им дедушка по случаю окончания учебного года с отличием.

– Давай кто быстрее до холма! – кричит Дэн Семену.

– Сам играй в эти детские игры, – апатично отвечает Семен.

– Да сколько можно жалеть себя?

– Я не хочу об этом говорить.

– Нет, ты поговоришь со мной.

Семен останавливается. Он снимает с шеи огромные наушники и надевает их на голову, поправляя на ушах.

– Семен! – кричит ему Дэн, но тот его уже не слышит.

Семен стремительно едет вперед. Дэн пытается его догнать. Впереди железнодорожные пути.

– Семен! Семен! – неистово кричит брат, пытаюсь как можно быстрее крутить педали. – Поезд! Семен! Поезд!

Но тот не слышит, или не хочет слышать. Семен заезжает на рельсы. Раздается сигнальный гудок. Поезд сносит его на полном ходу. Никаких шансов. Его тело найдут за несколько десятков метров. Дэн после этого навсегда возненавидит людей. Он так и не узнает, видел ли Семен приближение поезда, было ли это суицидом, стилизованным под роман «Анна Каренина», который так любил его брат, или нелепой случайностью. Для всех это останется тайной.

Дверь со скрипом открывается. В комнату входит женщина. Ей около тридцати. Она красива, но в глазах сверкает злоба. Женщина со злостью смотрит на мальчика.

– Ты опять сюда пришел?! – кричит она. – Сколько раз я просила тебя здесь не появляться? Снова читаешь эту чушь?

Мальчик прижимает книгу к груди, закрывая ее обеими руками.

– Тебе еще рано читать такие книги.

– А вы сами ее читали? – спрашивает мальчик.

– Не твое дело, – раздраженно отвечает она.

Женщина подходит к окну, закрывает шторы, и в комнате снова становится темно. Она хватается мальчика за руку и тянет его к выходу.

Глава 2

На следующий день мальчик снова в больнице. Он подходит к палате. Дверь в комнату старика в этот раз приоткрыта. Там кто-то есть, и он слышит разговор.

– Никаких улучшений за последний год. Решение за вами, но прогнозы неутешительные. Его мозг практически мертв, и дальнейшее поддержание жизненных систем наш врачебный совет считает бессмысленным.

Мальчик знает этот голос. Противный хриплый баритон главного врача больницы. Знает он и голос, который ему ответил, – низкий и бархатный.

– Вы предлагаете эвтаназию? – понимающе спрашивает он.

– Я никогда не соглашусь на подобное, – отвечает голос женщины, которая приходила вчера.

– Какой смысл в этих мучениях, если он все равно не выживет? – вновь спрашивает мужчина.

– Выживет, ты прекрасно знаешь, что он выпутается из любого дерьма.

– Зачем тебе все это?

– Он забрал наше будущее. Теперь мы два человека, у которых нет ничего, и это его главная заслуга. Неужели ты не хочешь посмотреть в его глаза и спросить, как ему живется с этим?

– Я не знаю, как бы я поступил на его месте.

Слышится звук пощечины.

Мальчик уходит. Сегодня неподходящий день. Лучше прийти завтра.

На следующий день в палате никого нет. Мальчик распахивает шторы и открывает окно. Солнечные лучи проникают в комнату. Они переливаются на седых волосах старика, на его сомкнутых веках, на белоснежном постельном белье и на татуировках, которыми покрыты его руки. В этих лучах хорошо заметны шрамы, обезобразившие не такое уж старое лицо.

Мальчик приставляет стул к койке и достает из рюкзака книгу. Свет отбивается на золотистой надписи «Пять историй подонка». Мальчик открывает книгу.

Рассказ второй

Я стою в центре поля. Мяч на точке. Свисток судьи. Мы проигрываем уже 3:0, и шансов на победу не больше, чем у однорукого переплыть реку.

Они смеются с нас. Они уверены в своей победе так же, как и в нашей ничтожности. У них красивая форма, бутсы последней модели, на спинах написаны их фамилии. В детской лиге футбола они на первом месте. Все мечтают играть в их команде.

Мы – второсортный сброд. Вместо формы у нас манишки, застиранные и залатанные. У нас нет нормальной обуви, нет раздевалки на базе, нет тактики на игру. Наш тренер на каждую тренировку приходит с флягой и вечно хлещет из нее. Последние наши тренировки – это обычная двусторонка, потом серия пенальти всей командой, в которой не забивший наматывает круги вокруг стадиона, пока не останется один – победитель. Чаще всего побеждаю я. Я всегда бью сильно и низко, иногда забиваю от штанги и если промахиваюсь, то всегда меньше чем на полметра. Я нападающий. Я капитан команды, которая идет на последнем месте в чемпионате. Я лучший из худших.

Сегодня для меня очень важная игра. Если я покажу все, на что способен, меня точно пригласят в их команду.

Но складывается все по самому плохому сценарию. Пятая

минута, а мы горим уже 3:0.

Я пасую второму нападающему, Алексу, и бегу вперед. Я подбегаю к линии штрафной, когда мне в ноги прилетает передача с правого фланга. Передо мной два защитника. Я пробрасываю мяч между ними и бегу вперед. Один из них выставляет колено, я цепляюсь за него, но удерживаюсь на ногах. Передо мной только вратарь. Он бежит на меня, приседая и расставляя в стороны руки. Слева кричит Алекс. Он перед пустыми воротами. Легонько покатить, и он забьет. Извини, Алекс, мне нужно забить самому. Я делаю обманный замах. Вратарь ложится вправо – я пробрасываю влево.

В небе сверкают молнии, гремит гром, и по подоконнику начинает стучать дождь. Мальчик кладет книгу на кровать, открытой стороной вниз. Он подходит к окну и видит, как по улице бегут люди, пытаясь спрятаться от дождя. Мальчик закрывает окно и возвращается на место. Берет книгу и ищет в ней момент, на котором остановился.

Вратарь ложится вправо – я пробрасываю влево. Пустые ворота. Угол сорок пять градусов. Из ста раз я попал бы девяносто девять даже пяткой и с закрытыми глазами. Удар! Мяч подпрыгивает.

Да, поле у нас не идеальное. В каждой штрафной ямы, словно вспаханные плугом для посадки картофеля. Другое дело у них. На их полях трава выстелена ровным изумруд-

ным ковром. Нужно забить, и меня точно позовут в их команду.

Мяч подпрыгивает. Он летит выше, чем я рассчитывал. Перекладина. Мяч ударяется в нее, адреналин ударяет мне в кровь. Потом крик. Крик радости – от перекладки мяч отлетает в сетку.

3:1. Партнеры по команде радуются и бегут меня обнимать. Даже Алекс, хотя видно, как он злится из-за того, что я не отдал ему пас. Но я забил, значит, я прав.

– Собрались! – кричу я. – Порвем этих мажоров.

Мяч на центре поля. Свисток судьи. Рыжий нападающий, капитан их команды, смотрит на меня с улыбкой. Он проводит большим пальцем поперек шеи. «Смейся сколько хочешь, – думаю я. – Скоро я буду на твоём месте».

Они разводят, и я сразу отбираю мяч, даю пас Алексу и бегу вперед. В этот раз передача идет с левого фланга. Я самый высокий в штрафной. Мяч летит прямо ко мне на голову. Я подпрыгиваю боком к воротам. Взмах головой. Удар. Мяч в сетке.

Их вратарь кричит на защитников. Партнеры снова обнимают меня.

3:2. Мяч на центре поля. Свисток судьи. Рыжий теперь смотрит на меня со злобой. Он точно понимает, что я лучше него.

До конца первого тайма лишь возня в центре поля. Перерыв.

Тренер собирает нас в круг. Дыша перегаром, он указывает нам на ошибки. Я совершенно не слушаю его. Этот старый алкаш ничего не понимает в футболе.

Второй тайм. Мы меняемся сторонами. Свисток судьи. Через пять минут я забиваю еще один гол. В этот раз я издеваюсь над их вратарем, пробрасывая мяч ему между ног. 3:3.

Я смотрю на тренера соперников. Он подтянутый, с ухоженной бородой, не то что наш – жирдяй и пьяница. Еще пять лет назад он блистал в топ-10 лучших мировых футболистов. Я годами восхищался его игрой у телевизора. Сейчас его тренерская карьера только начинается, как и моя карьера игрока. Сегодня он точно подойдет ко мне и предложит играть в их команде. Теперь мне хочется выиграть. Выиграть в своем последнем матче за эту убогую команду.

За минуту до конца все происходит точно, как при первом голе, только на другом фланге. Я пробрасываю двоих защитников, ухожу от подката, Алекс кричит, выпрашивая пас. Я убираю вратаря, передо мной пустые ворота. Замах. Удар. Гол. Финальный свисток.

Тренер соперников подходит ко мне, когда я иду к выходу.

Спустя год нахожусь в раздевалке самого титулованного клуба страны. Сегодня очень важная игра, и если мы победим, возьмем чемпионат. Играть нам предстоит с самым ненавистным соперником. Вражда между нашими клубами подобна войне. Нет, это и есть война: во взрослой лиге матчи наших команд почти всегда заканчиваются драками, не го-

вора уже о фанатах, которые реагируют на цвета друг друга, как акулы на запах крови.

В турнирной таблице мы опережаем соперника на два очка, потому нас устроит и ничья, а им нужна только победа. Не знаю, верят ли они сами в это?

– Сегодня нас устроит и ничья. Мы можем окопаться в своей штрафной и ждать их ошибки, – говорит главный тренер, сидя на стуле перед выстроенной в полукруг командой. – Но будем ли мы себя уважать, если позволим этим выскочкам играть первым номером? Будем ли мы настоящими чемпионами, если не победим сегодня? Имя нашего клуба знают во всем мире. Вы чувствуете этот запах? – спрашивает он, делая глубокий вдох. – Эти стены пропитаны потом чемпионов. Если кто-то сомневается, что он чемпион, – сделайте шаг вперед, – все стоят на местах. – Сделайте шаг вперед и убирайтесь прочь, потому что слабым здесь не место. Что, все чемпионы?

– Да! – кричат все хором.

– Тогда выйдите и докажите.

Все с бодрыми криками направляются к выходу. Тренер останавливает меня, хватая за плечо.

– Сегодня на трибунах скауты из Лондона и Рима. Не знаешь, на кого они приехали посмотреть?

– Может, на рыжего? – улыбаюсь я, точно зная правильный ответ.

– Рыжий – тряпка. Он техничный и креативный, но мед-

ленный и без характера. В Лондоне не играют тряпки, им нужен кто-то быстрый и железный. Покажи, на что способен, – он кладет ладонь мне на затылок и толкает к выходу.

Мы выходим из раздевалки и выстраиваемся колонной, возглавляю которую я. Я капитан лучшей команды в чемпионате, но этого мне уже мало. Скоро лето, и сборы я точно проведу в топ-клубе Европы.

На матчи Ю-16 приходят лишь родители и друзья, но сегодня матч за чемпионство, и две тысячи на трибунах – ажиотаж, не виданный нами ранее.

Судьи и капитаны собираются, чтобы решить спор «мячворота». Я выбираю ворота, и решка на монетке означает мою победу. Их капитан похож на палача из фильмов о средневековье. Он лысый, выше меня на полголовы, его угрюмый лоб злобно повисает над глазами. Он – центральный защитник, и сегодня это мой главный враг – последняя преграда перед вратарем. Мыжимаем руки, и он нарочно жмет сильно, пытаюсь пробудить во мне страх. «Запугивай парней из второй десятки, – думаю я, улыбаясь в ответ. – А меня ты даже догнать не сможешь».

Стартовый свисток. Я пасую на рыжего и бегу вперед. Смелая тактика – играть в два форварда против самого сильного соперника.

Двадцать минут мы не даем им выйти из штрафной. Они прижимаются к своим воротам, как ребенок к матери при виде опасности. Первый гол – лишь вопрос времени.

Угловой. Лысый кроет меня персонально. Мяч в воздухе. Соперник хватает меня за футболку и выигрывает подачу, летевшую мне на голову. Судья молчит, не реагируя на мои возмущения. Еще один угловой. Он снова держит меня, я отмахиваюсь от него локтем. Лысый корчится, лежа на траве. Вот теперь судья свистит для того, чтобы показать мне желтую.

Я слышу голос тренера. На установке он раз десять повторил мне, чтобы я не реагировал на подобные провокации. Больше я его не подведу. «Теперь я тебя спровоцирую, – думаю я, глядя на лысого монстра. – На этот раз ты уронишь меня, и лучше всего в штрафной».

Так и случается. После серии моих финтов он выставляет свою громадную лапу, и я заваливаюсь в нескольких сантиметрах за линией штрафной. Лысый получает желтую. Но судья не ставит пенальти. Это лишь штрафной, и наши крики возмущения здесь не помогут, как и свист трибун.

У мяча мы с рыжим, но бить сейчас будет он, его удар точнее моего, пусть и не такой сильный. Удар, мяч перелетает стенку, но перелетает и ворота, облизав перекладину. Нужно забить, и они обречены.

Первый гол я забиваю легким ударом «щечкой» под правую штангу. Партнеры бегут меня обнимать, но я убегаю от них к центру. Я смотрю на трибуну в поиске селекционеров. Иностранцев видно сразу: несмотря на жару, они в строгих костюмах. Они аплодируют, глядя на меня. Скауты из Рима

зря приехали, я точно выберу Лондон.

До конца первого тайма мы зажимаем их, словно под прессом. Их защитники скоро сломают себе шеи от скорости наших передач. До перерыва я еще дважды бью по воротам, и в том, что счет пока не разгромный, – лишь заслуга их вратаря. Похоже, он единственный в их команде, кто хоть на что-то способен.

Наш тренер негодует. Мы выигрываем, а он, входя в раздевалку, пинает стул, который с грохотом летит в стену.

– Что это за возня? Я же сказал вам бить. Какого черта вы возите мяч вдоль штрафной?! – из его рта едва не брызжет пена. – Если во втором тайме не ударите по воротам десять раз – завтра вместо выходного будете весь день бегать в противогазах. Прочь с глаз.

Во втором тайме мы бьем при первой же возможности. Их вратарь – истинный человек-паук. Он ловит любой мяч, летящий в сторону ворот. К восьмидесятой минуте первый опасный момент у нашей штрафной – угловой. Я играю персонально с лысым. Мяч летит прямо на его горбатую голову. Когда идет навес, я двумя руками держу его за футболку, а он держит меня. Мы оба падаем, и судья с минуту отчитывает нас, грозя удалением, если мы еще раз вытворим подобное. Еще один угловой, в этот раз я играю по правилам. Он забивает, и я даже боюсь смотреть в сторону тренера.

Еще две их атаки, и наша уверенность рассеивается высоко над трибунами. Теперь мы прижаты к воротам. Нам до-

статочно и ничьей, главное, отстоять еще три минуты – и мы чемпионы.

Они обрезаются, находясь всей командой на нашей половине. Я подбираю мяч и изо всех сил бегу к их воротам по левому флангу. Лысый бежит сзади. Впереди только вратарь. Справа бежит рыжий – легонько покатить, и он забьет в пустые ворота. Извини, рыжий, мне нужно играть в Лондоне. Я прокручиваю эластико, и у их вратаря нет шансов: даже человек-паук не смог бы прочесть этот финт. Передо мной пустые ворота. Угол сорок пять градусов. Из ста раз я попал бы девяносто девять, даже пяткой и с закрытыми глазами. Я делаю замах, но по воротам я не ударю. Громадная лапа лысого монстра наступает на мою икроножную. Хруст! Это только что хрустела мечта всей моей жизни. У меня перелом, мало совместимый с дальнейшими занятиями спортом. Судья удаляет лысого, а мои партнеры едва не устраивают ему расправу прямо на поле. Дальше пенальти. Рыжий забивает – мы чемпионы. Но это моя последняя победа в футболе. Я больше не буду играть – ни в Лондоне, ни в Риме, ни даже здесь.

К мальчику подходит мужчина, голос которого он слышал вчера, и гладит его по волосам.

– Адам! Ты опять здесь? – спрашивает он. – Неужели тебе не интересней играть с друзьями?

– Со мной не очень любят играть. Они любят только при-

думывать мне новые прозвища, как всегда, очень «оригинальные».

– Я думаю, что это ты не хочешь играть с ними. Ты гораздо умнее, и тебе с ними скучно, – говорит мужчина. Его глаза полны доброты настолько, насколько полны они и усталости.

– Может, и так. Но было бы неплохо иметь друга.

– Что читаешь сегодня? – спрашивает мужчина, глядя на книгу. – Тебе не рано это читать?

– Она вчера приходила и говорила мне, – с разочарованием произносит мальчик.

– Она на самом деле добрая, – мальчик смотрит на мужчину с недоверием. – Ну, раньше точно была доброй. Она через многое прошла, поэтому не обращай внимания на ее злобу.

– Она не может простить его?

– Думаю, да.

– Но вы же простили?

– Она женщина. У женщин все иначе.

– Можно я буду приходить и читать ему?

– Конечно, но лучше читай ему сказки.

– А разве он писал сказки?

– Нет, но не обязательно читать ему его книги.

– Но мне хочется узнать о его жизни. И я думаю, что только так он сможет оттуда вырваться.

– Я думаю, у тебя все получится.

– И тогда вы не будете отключать его?

Мужчина проигнорировал вопрос.

– Пообещайте, что дадите мне шанс, – произнес Адам с умоляющим лицом.

– Обещаю.

Глава 3

На следующий день Адам по обычаю в больнице. Кто-то сегодня открыл шторы, и комната встретила его непривычной светлостью. Он пододвинул стул и открыл книгу.

Позади раздался скрип.

– Добрый день, – прозвучал голос главного врача больницы. – По тебе можно часы сверять.

– Школа в двух кварталах. Пришел после уроков.

– Что читаешь?

– Рассказы.

– А, его истории? – кивает доктор. – Теперь понятно, почему с его мозгом произошли небольшие улучшения.

– Правда? – радостно округляет глаза мальчик. – Он поправится?

– Не могу тебе этого обещать – всего лишь небольшие улучшения, но такого прогресса не было за полтора года терапии.

– Я знал, что это поможет.

– Приходи почаще.

– Я не смогу приходить всю неделю, – Адам скорбно опускает глаза.

– У тебя что-то стряслось? – спрашивает доктор, хотя у него совсем не выходит сделать сострадательное лицо.

– Тетка умерла – придется ехать в другой город на всю

неделю.

– Мне очень жаль.

– Ничего. Я совсем не знал ее, но мама говорит, что надо.

– Тогда до скорых встреч. И возвращайся поскорей, ты нам здесь очень нужен.

Мальчик радуется, когда доктор уходит. Он совсем не нравится ему. «У хорошего человека не может быть настолько угрюмых глаз», – думает Адам, открывая книгу.

Рассказ третий

Самолет идет на посадку. Температура внизу – тридцать четыре градуса. Мы в пути уже не менее двенадцати часов. Ладно еще первый перелет до Шаржи, там хоть были свободны четыре задних ряда, и я всю дорогу проспал на трех креслах. Но второй перелет – пытка: расстояние между сиденьями, не рассчитанное для моих длинных ног, турбулентность одна за одной, и этот маленький монстр ревет всю дорогу. Если бы не фляга с егермейстером от Глеба, сидящего через проход, – обломки моей крыши остались бы в салоне этого самолета.

Вера просыпается, только чтобы застегнуть ремень безопасности. Наверное, простудный жар помог ей справиться с перелетом лучше, чем нам алкоголь. Да уж, ну и парочка из них получилась. За последние два года они расставались уже больше раз, чем я с девушками за всю жизнь. После каждого разрыва она искала мое дружеское плечо. А я притворялся, что верю в ее «этот раз уж точно последний». Мне было жаль ее. Ее красота и нежность достойны гораздо большего. Потом я совсем не удивлялся, видя их вместе на очередной вечеринке. Она прощала, что и не странно, ведь девушки клюют на его скверный характер, как пираньи на свежее мясо.

Зачем я полетел с ними? Наверное, потому что за последний год рассорился со всеми друзьями. Да и очень не хоте-

лось ехать на отдых в одиночку. Конечно, это все вранье – полетел я только ради нее.

Теперь все вопросы остались в снегах, на родине. Самолет приземляется, скоро мы вдохнем бриз побережья Индийского океана. Шри-Ланка. Страна слонов, чайных плантаций и джунглей. Мой первый океан.

– Сколько нам ехать до Хиккадувы? – спрашиваю я у гида.

– Часа три-четыре. Смотря какие пробки.

Еще четыре часа. Спасение откладывается.

В автобусе Глеб и Вера сразу засыпают. Я в одиночку вглядываюсь в заросли джунглей и рисовые поля. Здесь все совсем по-другому. Вот бы остаться и пожить тут хотя бы год. Мы сворачиваем на побережье, и я вижу пенные волны, разбивающиеся о берег. Желание остаться усиливается десятикратно. Невероятная страна.

Приехав к отелю, мы сразу же бросаемся к океану. Даже Вера, несмотря на температуру, окунается в воду подлинно изумрудного цвета. Океан – стихия, ни на секунду не ослабляющая свою мощь. Волны у берега настолько огромные, что сносят и швыряют тебя в песок. Но если пробраться за пороги, океан становится совсем спокойным и медленно покачивает тебя на своих соленых волнах.

Заселяют нас в один номер, мне достается односпальная кровать. Обед состоит из морепродуктов и риса, прямо на берегу, под успокаивающую мелодию океана. За четыре доллара здесь можно отобедать по-королевски. За десять пода-

дут еще и бокал ледяного шампанского. Шри-Ланка теперь нравится еще больше.

После обеда Вера остается в номере, а мы с Глебом едем на тук-туке в салон проката. Оставив в залог документы, получаем два почти новых мопеда. Глеб отрывается вперед, а я с дрожащими руками плетусь далеко позади, пропуская вперед тук-туки, машины и автобусы, вечно сигналившие и пролетающие мимо на бешеной скорости. Да, трафик здесь просто сумасшедший. Кажется, одно неверное движение, и я навсегда останусь лишь тонким ковром на асфальте.

Когда я въезжаю на заправку, Глеб уже выезжает.

– Я поеду в аптеку, – кричит он. – Встретимся в отеле.

И вот не страшно же ему ездить по этим дорогам. В полнейшем хаосе, где все обгоняют, сигналият и подрезают друг друга, он кажется абсолютно своим.

Ночью Вера остается в номере. Мы с Глебом направляемся к пляжному бару в трехстах метрах от нашего отеля. Людей много. Одни танцуют. Другие выпивают. Третьи без стеснения раскуривают косяки с гашишем прямо за столиками. Мы выпиваем по три порции местного рома и видим, как нам подмигивают две симпатичные европейки.

– Пойдем! Они пялятся на нас с того момента, как мы пришли, – предлагает Глеб.

– А тебя не смущает, что твоя девушка лежит в отеле с температурой?

– Она выпила таблетки. Завтра будет как новенькая, – в

глазах Глеба не видно ни капли заботы.

– Похоже, я слишком старомоден в своих взглядах на отношения.

– Та ладно тебе. Мы же просто пообщаться.

Глеб покупает на баре бутылку рома, я беру четыре стакана. Подходим.

– Скучали без нас? – спрашивает он, поднимая вверх бутылку.

– Разве здесь можно скучать? – произносит блондинка, судя по смуглой коже, отдыхающая уже не первую неделю.

– Но с нами точно будет веселее, – говорит Глеб, устраиваясь рядом с ней.

Я ставлю стаканы на стол, он наливает ром. Присаживаюсь я рядом с брюнеткой, скромно сомкнувшей руки на груди.

– Ну, за знакомство! – кричит Глеб, поднимая стакан.

Все выпивают, брюнетка морщится от крепости рома. Она тоже очень привлекательна, с безупречной кожей и маленьким симпатичным носом. Изгибы ее фигуры великолепно подчеркнуты джинсовыми шортами и майкой с глубоким вырезом. Но блондинка гораздо развязней, в ее глазах блестит пошлая сексуальность. Наверное, мало встретишь мужчин, способных не ослепнуть от этого блеска. Они с Глебом показывают друг другу татуировки, которыми разрисованы все их руки, а потом она задирает юбку, демонстрируя бедро с вытатуированной коброй.

– Так откуда вы прилетели? – спрашиваю я, глядя на брю-

нетку.

– Из Норвегии, – отвечает она.

– Всегда мечтал побывать в Норвегии, – говорит Глеб, заигрывая с блондинкой.

– Может, ты хотел сказать в норвежке? – переспрашивает она, и его глаза лезут на лоб.

– Ты поняла все самым лучшим образом.

– Может, покурим? – спрашивает у меня брюнетка.

Я достаю пачку сигарет и протягиваю ей.

– Но я не курю сигареты, – улыбается она.

– Отлично, – кричит Глеб. – И где здесь можно купить дури?

– За два доллара бармен скрутит огромный джойнт прямо за нашим столом, – отвечает блондинка, которая уже закинула руку ему на плечо.

– Какое совпадение, – говорит Глеб. – У меня как раз есть два доллара.

Через пять минут огромный косяк проделывает круг по нашим рукам. Я смотрю на Глеба с блондинкой и очень соболезную Вере, видя, к чему все идет.

– Мы живем в соседнем отеле, – объявляет блондинка, допивая очередную порцию. – Предлагаю допить ром у нас.

– Лучшее предложение вечера, – говорит Глеб без малейших угрызений.

Через полчаса они закрываются в номере, а мы с брюнеткой располагаемся на пляжных шезлонгах.

– Чем занимаешься в Норвегии? – спрашиваю я, обрывая длинную паузу.

– Учусь на доктора, – отвечает она.

– Круто. Такая ответственная профессия.

– Заткнись, – говорит она, пронзая меня пристальным взглядом.

– Прости, что?

– Может, поцелуешь меня уже наконец?

Возвращаемся к себе в номер мы к трем часам. Вера сидит на кровати и что-то читает в телефоне.

– Быстро вы, – с укором смотрит она на Глеба.

– Немного погуляли, – с улыбкой отвечает он. – Не сидеть же в номере. Тем более, я думал, ты спишь.

Он подходит к ней и целует ее в щеку теми же губами, которыми полчаса назад целовал губы блондинки, а может, и не только губы. От этой мысли выпитый мною ром стал проситься наружу.

– Фу, какой же у тебя перегар, – говорит Вера. – Даже мой заложенный нос его слышит.

«Не был бы твой нос заложен, ты бы услышала и другие посторонние ароматы», – думаю я.

– Тебе лучше? – спрашивает Глеб.

– Да, спасибо. Таблетки какие-то чудотворные, думаю, завтра буду уже на ногах.

– Отлично. Значит, завтра днем поедem в Коггалу. Томас будет учить нас серфингу.

Глеб ложится спать, даже не приняв душ, чем вызывает во мне еще больше «симпатий».

Утром Глеб, едва проснувшись, выкуривает половину косяка. Вера тоже делает несколько затяжек, и они, громко смеясь, бегут к океану. Наверное, если бы я не знал их отношения изнутри, они показались бы мне вполне влюбленной парой. Завтракая, я смотрю, как они купаются. Я вижу, как водную гладь бассейна, расположенного прямо у ресторана, пронзают капли дождя. Ливень начинается мгновенно, но это вовсе не заставляет их выбегать из воды. Теперь они радуются еще больше.

– Похоже, сегодняшняя поездка отменяется? – спрашиваю я у Глеба, когда они подходят к столу.

– Из-за дождя? – улыбается он. – Они не идут здесь больше десяти минут.

И вправду, ливень прекращается так же внезапно, как и начался. Через полчаса земля сухая, будто ничего и не было.

После завтрака мы садимся на мопеды.

– Ты точно уверена, что не хочешь обуть кроссовки? – спрашиваю я у Веры.

– Я же не за рулем, зачем мне кроссовки? – отвечает она, подкатывая вверх глаза. – В шлепках ведь не так жарко.

Климат здесь и вправду очень жаркий. Помимо этого он настолько влажный, что на второй день я все еще не привык к тому, что одежда постоянно кажется мокрой.

Мы заводим мопеды, и Глеб сразу летит вперед. Вера

удивленно кричит, обнимая его двумя руками. Я медленно плетусь позади, привыкая к дорожному движению. Они ждут меня на первом повороте, съехав с дороги.

– Ты плетешься, как огромная белая черепаха, – кричит Глеб, вызывая у Веры смех, и снова уезжает вперед.

А мне спешить некуда. Я еду, рассматривая побережье. Солёный аромат обволакивает легкие. По пути я разглядываю местные лачуги, укрытые от солнца под пальмовыми рощами, и каменистый берег, останавливающий волны.

Вдали виднеется старинный голландский форт Галле, в котором мы намерены сделать остановку. Его высокие каменные стены величественно застыли на берегу.

Мне приходится остановиться. Я упираюсь в старый автобус. Он стоит напротив остановки, загромождая движение. Все люди из него вышли. «Этому динозавру пора было умереть в прошлом веке», – думаю я, понимая, что объехать не получится.

– Что случилось? – спрашиваю у ланкийца, выходящего из толпы к своему байку.

– Авария, – говорит он с азиатским акцентом.

– Кто-то пострадал?

– Двое белых.

Паника. Я вглядываюсь вперед, застыв на месте. Ничего не видно сквозь толпу. Я нагибаюсь, смотрю сквозь ноги зевак и вижу татуированные руки Глеба. «Хоть бы они были живы», – думаю я, расталкивая людей. Пробираясь к эпицен-

тру, вижу перевернутый мопед. Глеб растерянно стоит над лежащей на траве Верой. Она бьется в конвульсиях. Ее руки и ноги покрыты кровью и грязью. Глеб вроде цел.

– Ты как? – спрашиваю его.

– Я в норме.

– Дайте воды! – кричу я толпе, и женщина протягивает мне бутылку.

Я сажусь на колени возле Веры. Ее глаза направлены на меня, но смотрят как будто сквозь. Толпа гудит, нагнетая и без того шоковое состояние. Веру трясет.

– Попей, – говорю я, протягивая воду и глядя в ее глаза, окутанные паникой. – Все в порядке. Слышишь?

– Пальчик, – кричит она мне, немного приходя в себя. – Очень больно. Что с ним?

Я смотрю на ее ноги и вижу, как с правой на коже свисает почти оторванный большой палец.

– Все в порядке, – вру я ей.

Гудит сирена, на обочину съезжает старая машина скорой помощи. Выбегают врачи.

– Можешь поехать с ней? – спрашивает Глеб, растерянно глядя на меня.

Я бью его кулаком в лицо.

– Быстро взял ее на руки и отнес в скорую!

– А кто присмотрит за мопедами? – спрашивает он. – В прокате остался мой паспорт.

Я замахиваюсь еще раз, но Глеб подчиняется. Он на руках

заносит Веру в машину, и они уезжают. Я остаюсь на месте и ссорюсь с подросшей полицией. Они забирают разбитый мопед на штрафстоянку, а я, прождав два часа на солнцепеке, уезжаю в отель. Спустя час Глеб заносит Веру в номер на руках. На нем ни царапины – она вся в бинтах.

– У меня больше нет пальца, – рыдает она, увидев меня. – Я теперь калека, – показывает она перебинтованную ногу.

– Прости меня, – говорит Глеб с полным сострадания лицом. – Этот автобус слишком резко остановился.

До конца отдыха я путешествую один. Глеб ухаживает за Верой, нося ее к океану и на перевязки.

Я езжу на чайные плантации, в слоновий питомник, люблюсь водопадами и горными изгибами на пике Адама.

Глеб и Вера все это время не покидают отель. Вернувшись на родину, они продолжают жить вместе. На очередной вечеринке я вижу их обнимающимися и счастливыми. Если бы я не знал их отношения изнутри, они показались бы мне вполне влюбленной парой.

Адам закрывает книгу.

– Я вернусь через неделю, – говорит он, кладя ладонь на руку старика, покрытую татуировками.

Глава 4

Через неделю Адам идет в больницу ускоренным шагом. Дверь палаты № 34 в этот раз заперта. Он еще раз дергает ручку, но та не поддается. С озадаченным лицом мальчик бежит к кабинету главного врача. Эта дверь также заперта.

Он не знает, куда идти, и очень радуется, увидев знакомую медсестру.

– О! Наш маленький целитель, – улыбается она, и на ее пухлых щеках видны ямочки.

– Его дверь заперта, – испуганно произносит мальчик, уклоняясь от руки медсестры, которая пытается погладить его по рыжим волосам.

– После твоего последнего прихода он очнулся на несколько минут.

– Он что-то говорил?

– Нет, только смотрел в окно.

– Где он сейчас?

– Его перевели в другую палату. Там окно гораздо больше, но, похоже, лечит его вовсе не солнечный свет. В твое отсутствие он снова погрузился в сон.

– К нему можно?

– Конечно, он ждет тебя всю неделю. Я проведу.

Адам заходит в палату № 39. Она нравится ему меньше, чем предыдущая. Окон здесь больше – они занимают поло-

вину комнаты, но прошлая палата казалась ему более уютной. Да и под окном здесь только асфальт.

Медсестра уходит. Мальчик садится на стул и открывает книгу.

– Осталось два рассказа, – говорит он неподвижно лежащему старику, веря, что тот его слышит.

Рассказ четвертый

Сегодня Глеб проплыл двадцать два бассейна. После работы ничто не снимает напряжение лучше. Голова прояснилась, и после физических нагрузок на его лице, как всегда, удовлетворенная улыбка. Он садится в машину. По дороге заезжает за цветами. Сегодня у них годовщина. Вера любит тюльпаны.

Она встречает его в дверях. На ней, как обычно по таким случаям, неброское коктейльное платье чуть ниже колена с большим разрезом на спине. Она знает, как скрыть свои недостатки и подчеркнуть преимущества. Нежный макияж, волосы собраны. Она привлекательна не больше и не меньше, чем всегда.

На столе свечи и ужин. Бутылка красного вина, стейк, по обыкновению, слегка пережарен, спагетти традиционно недосолены, овощи прекрасны. Ее голос привычно нежен.

– Как день? – спрашивает Вера и делает глоток из бокала.

– Хорошо. Сегодня подписали новый контракт. Наверное, я похож на какого-то китайского идола – они снова без раздумий влили в нас кучу денег, – отвечает Глеб, отрезая кусок от стейка и пытаясь сделать вид, что ему интересен этот разговор.

– Поздравляю, – натягивает она улыбку.

Молчание. Стук столового металла о фарфор.

– Как твой? – спрашивает он, надеясь, что сегодня Вера не будет снова рассказывать, как в супермаркете ей нахамили на кассе, как в кафе ей посчитали три кофе вместо двух или как она устала от домашней скуки.

– Машина сломалась. Пришлось три часа прождать в кафе возле СТО. Но уже все в порядке.

И снова молчание, которое несколько лет назад им обоим показалось бы неловким.

– Я совсем забыл, – говорит Глеб. – У меня есть для тебя подарок.

– Нет, подожди. Сегодня мой подарок будет первым.

Вера встает из-за стола и направляется на кухню. Глеб видит, как перекатываются ее бедра. Они по-прежнему соблазнительны, как и тогда, при первой их встрече, но сейчас уже не пробуждают в нем такой трепет. «Она стала серой, – думает он. – Зарылась в домашней рутине, и здесь ее всегда сверкающие глаза превратились в два матовых камня».

Вера возвращается с тарелкой и бокалом:

– Я пригласила подругу, если ты не против.

Ему показалось, что ее глаза на миг сверкнули тем блеском, от которого раньше он становился одновременно робким мальчишкой и разъяренным хищником.

– У тебя появилась подруга? – заинтересованно спрашивает он. – Не ты ли всегда была убеждена, что женская дружба не лучше дружбы двух самцов бойцовской рыбки?

– У любого правила есть исключения, – произносит она, и

его снова освещает блеском ее глаз. Он вспоминает, как его разразило этим блеском при первой их встрече.

Вспоминает, сколько подвигов он совершил, чтобы эти глаза сияли лишь для него. Как дрожало все его тело, когда она впервые прикоснулась к нему. Он ненавидит себя за то, что заточил эту драгоценность здесь, в кирпичной шкатулке, на последнем этаже в центре города.

– Боюсь себе даже представить ее. Наверное, какая-то феминистка с засаленными волосами и очками в толстой оправе.

– Скоро сам увидишь.

Раздается звонок в дверь.

– А вот и она. Я открою.

Он слышит смех в прихожей. Девушки заходят в гостиную. При виде гостьи его легкие словно наполняются водой.

– Познакомься, это Лили, – произносит Вера.

– Очень приятно, – отвечает Глеб, не в силах сдвинуться с места. Он смотрит на Лили, как подросток, только что увидевший вживую своего секс-символа. Она и вправду невероятна: в сексуальности Лили не уступила бы Монике Белуччи и Памеле Андерсон в их лучшие годы. Ее глаза – две синих льдины, лишённые малейших примесей, ее волосы – поле шелковой пшеницы, ее улыбка – солнце, взошедшее над океаном.

– Может, поухаживаешь за гостьей? – спрашивает Вера, заметив его смятение. Наверное, впервые она видит его оза-

даченным.

– Ой, конечно, – выпрыгивает он в реальность, встает, придвигает ей стул и наливает вина.

– Чем занимаетесь, Лили? – спрашивает Глеб с уже едва уловимым смущением.

– Я инструктор по фитнесу, – отвечает она, словно нарочно глядя ему прямо в глаза.

– Там мы с ней и познакомились, – говорит Вера. – После первой ее тренировки я думала, что смерть будет самым благоприятным исходом.

– Твоя жена недооценивает свое тело, – отвечает Лили. – У нее отличная предрасположенность к тренировкам. Позанимаемся еще месяца три, и можно будет брать медали на соревнованиях.

– Ты, как всегда, меня слишком много хвалишь, – отвечает Вера.

– А чем занимаетесь вы? – спрашивает Лили, поправляя волосы и скользя пальцами по шее.

– Мне кажется, вам уже пора перейти на «ты», – вмешивается Вера.

– Так чем ты занимаешься?

– Утопаю в стопках бумаги, цифрах и не очень искренних улыбках. Но тебе, наверное, и так это известно, раз уж вы так хорошо ладите?

– Какие же вы, мужчины, скучные, – подкатывает глаза Лили, и они с Верой улыбаются, переглянувшись. – Но ладим

мы действительно хорошо.

– Очень не просто найти человека, в голове которого живут близнецы твоих мыслей, – говорит Вера, глядя на Лили.

– Вы точно работали только с ее телом? – спрашивает Глеб, бросая подозрительный взгляд то на одну, то на другую девушку.

– Физические нагрузки проясняют сознание лучше любого психолога, – отвечает Лили, и Вера улыбается, тыча пальцем в его сторону.

– Не твое ли это выражение? – спрашивает она.

– Да, но прислушалась ты именно к ней, – они оба смотрят на Лили, Вера с восхищением, Глеб с любопытством.

– Мне нужно в уборную, – говорит Лили. – Не скучайте тут без меня.

Она уходит, и он сдерживает себя, чтобы не посмотреть на ее отдаляющуюся фигуру.

– Восхитительна, правда? – спрашивает жена, когда они остаются наедине.

– Зачем ты позвала ее? – озадаченно смотрит Глеб.

– Мы стали слишком чужими, – произносит она, скрывая взгляд от его пытливых глаз. – С каждым днем в этом доме все меньше воздуха. Сколько мы еще протянем вот так?

– Разве ты не этого хотела? Мне казалось, что у нас все хорошо.

– Да, все стабильно хорошо. Настолько хорошо, что мы даже сексом теперь занимаемся только при выключенном све-

те.

– Я не могу понять, к чему ты клонишь?

– Не притворяйся слабоумным. Я знаю, что ты давно этого хотел.

В комнату входит Лили, цокая каблуками. Из одежды на ней лишь красное кружевное белье и чулки с подтяжками. Ее фигура безупречна с любого ракурса, ее кожа – мечта из рекламы солярия, ее взгляд способен сбить с ног самого крепкого защитника в американском футболе.

Он проваливается в бездну. Его жена подходит к Лили, и они сливаются в поцелуе.

Глеб накрывает голову руками, его мысли путаются, он неспособен сдвинуться с места. В своих фантазиях он часто представлял себе подобную картину. Сейчас эта картина ожила перед ним в гораздо более ярких красках, чем рисовало его воображение. Но есть что-то, что мешает ему встать и погрузиться в глубины страсти.

Девушки отстраняются друг от друга и смотрят на него. Взгляд жены нежен и страстен. Взгляд Лили беспощаден. Он встает, но не для того, чтобы броситься к ним. Он подходит к подоконнику и берет пачку Marlboro Gold. Три месяца воздержания от сигарет. Три месяца эта пачка лежала здесь как напоминание о силе его воли. Он открывает дверь на балкон и скрывается за ней, чиркая зажигалкой. Распахивая окно, он чувствует, как прохладный воздух ударяет в лицо. Вдыхая дым, он вглядывается в буйство вечерних огней мегаполиса.

Дверь позади него открывается. Глеб произносит, не оборачиваясь:

– Это плохая идея.

– Откуда ты знаешь, если даже не попробовал?

Он содрогается от голоса, ведь был уверен, что позади Вера, но это Лили. Она снова в одежде, но по-прежнему эталон сексуальности. Лили подходит к нему и, обнимая сзади, кладет руки ему на живот. Ее аромат взвинчивает его рассудок.

– Ты совсем обезумела? – отталкивает он ее. – Что ты здесь делаешь?

– Я скучала по тебе, – страстно произносит она, проводя пальцами по его щеке. – Ты не отвечаешь на мои звонки.

Глеб хватается за ее руку и сдавливает в своей ладони.

– Где она? Она может нас услышать.

– Ты делаешь мне больно. Ты всегда любил делать мне больно, – говорит Лили, и в ее глазах страсть граничит с безумием. – Закрылась в комнате. Она у тебя такая ранимая. Не знаю, переживет ли она подобное. Так что лучше давай вернемся к ней и доведем дело до конца.

– Конец уже давно наступил, сколько раз тебе это повторять?

– Милый, но я же всегда получаю то, чего хочу. Ты ведь знаешь, что сопротивляться бесполезно.

Одной рукой он хватается за подбородок, впиваясь пальцами в щеки, другой берет за талию, прижимая к себе. Он целует ее, до крови кусая за губу.

– Вот видишь, милый, никто не устоит передо мной. Ты же сам это говорил.

Он берет ее за руку, и они вместе входят в прихожую.

– Подожди здесь. Сейчас я все улажу.

Глеб заходит в супружескую спальню. Вера лежит на кровати, отвернувшись.

– Ты меня ненавидишь? – спрашивает она заплаканным голосом.

– Нет. За что мне тебя ненавидеть?

Вера поворачивается к нему, и он видит ее потекшую тушь и волосы, которые теперь совсем растрепались.

– Я думала, тебе понравится мой подарок. Мне казалось, что, если я сделаю это для тебя, ты станешь прежним. Ты снова будешь смотреть на меня, как тогда.

– Похоже, мы почти угробили наш брак, раз докатились до такого.

– Думаешь, у нас еще есть шанс?

– Думаю, что если мы не попробуем, то будем жалеть до смерти и умрем с мерзко-угнетенными лицами.

– Не попробуем с ней?

– Нет, – улыбается Глеб. – Если не попробуем друг с другом.

– Но разве мы не пробовали?

– Значит, нужно пробовать по-другому.

– Ты знаешь как?

– Определенно.

Она улыбается. Не было еще ни одной ситуации, когда он не знал бы, что нужно делать.

– С чего начнем?

– С самого сложного – понять друг друга, открыться и рассказать всю правду. Если это не поможет, значит, мы действительно обречены.

– Хорошо. Можно я первая?

– Ты сегодня уже была первой, моя очередь.

– Я готова.

– Только это будет больно.

– Я готова.

– Я изменял тебе.

Вера отводит глаза в сторону и, легко покачивая головой, показывает, что ждала подобного, но ее кулаки все равно сжимаются.

– Я изменял тебе с ней, – показывает он на дверь. – Эта тварь вскружила мне голову. Я не смог устоять.

Вера отвешивает ему хлесткую пощечину, затем смотрит в глаза и бьет еще раз. Ее глаза пылают, извергая лаву, разражаясь молниями и ядерными вспышками.

Она встает, выбегает из комнаты и подбегает к Лили, которая сидит на стуле, вглядываясь в окно. Вера хватается за спинку стула двумя руками и тянет. Вино разливается по паркету, бокал звонко разбивается. Лили падает на пол. Вера пинает ее ногой, обливая ругательствами, хватается за волосы и тащит к выходу прямо по луже от вина. Наступая на стекло,

она содрогается от боли, но продолжает начатое. Лили визжит и хватается за руки агрессора, впиваясь в них ногтями. Глеб смотрит на все это с совершенно бесстрастным лицом, хотя подобного от жены он точно не ждал.

Вера выволакивает Лили к двери и отпускает, собирая ее вещи. Та поднимается со страхом в глазах. Жена открывает дверь и замахивается на гостью, которая закрывает лицо руками. Теперь Лили уже не настолько сексуальна. Ее волосы растрепаны, макияж размазан, платье в пятнах от вина.

Вера толкает ее, и Лили падает за порогом. Вслед летят ее вещи.

– Убирайся! – кричит она, добавляя ругательств, и плюет в сторону Лили.

Дверь закрывается. Вера, прихрамывая, заходит в прихожую, оставляя на паркете кровавые следы. Когда она садится на стул, Глеб приносит аптечку и начинает обрабатывать ее ступню.

– У тебя тут небольшой осколок, – говорит он, извлекая стекло из ноги.

Молчание. Он промывает рану антисептиком и начитает бинтовать.

– Я тоже спала с ней, – произносит Вера. Он останавливается, закрывает глаза и тяжело выдыхает. Потом продолжает бинтовать ей ногу.

– Мы с ней спали с мужчиной, несколько раз.

Он продолжает бинтовать, не поднимая взгляд.

– Ты слышишь меня? – кричит она ему. – Слышишь меня хотя бы сейчас?

– Все скоро заживет, – говорит он, заканчивая с перевязкой.

Глеб уходит в коридор и приносит конверт.

– А вот и мой подарок, – произносит он. – Послезавтра мы улетаем на Бали.

Они смотрят друг на друга и начинают громко смеяться.

– Наконец-то счастливый конец, – радостно произносит Адам, закрывая книгу. – Осталась последняя глава.

Глава 5

Сегодня Адам снова встречается в палате доктора и медсестры. Медсестра забирает капельницу, когда входит мальчик. Они смотрят на него, улыбаясь.

– Мы тебя уже заждались, – говорит главный врач. – То, что ты делаешь, можно назвать чудом.

– Он просыпался? – с надеждой смотрит мальчик.

– Пока нет. Но его мозг начал реагировать на внешнюю среду.

– Другими словами, – говорит медсестра, – его сон теперь не настолько глубокий, и, если так пойдет и дальше, у него есть все шансы проснуться.

– Так что постарайся, – делает серьезное лицо главный врач. – На тебя все надежды.

– Я здесь ни при чем, – отвечает Адам. Ему совершенно не нравится, что они разговаривают с ним, как с маленьким. – Я просто читаю ему его книги.

– Тогда не будем тебе мешать.

Врач и медсестра уходят. Мальчик открывает книгу.

Рассказ пятый

Матвей и Мира выходят из дома и направляются к машине. Он держит ее под руку. Костюм сидит на нем идеально, как и на ней темное коктейльное платье. Вместе они смотрятся как парочка на красной дорожке открытия церемонии Оскар.

Такси премиум-класса – черная Toyota Camry. Водитель в костюме поочередно открывает им двери, и они проваливаются в мягкости кожаных сидений.

– Не волнуешься, что дети на целый вечер останутся без твоего присмотра? – спрашивает Матвей, поглаживая ее руку.

– С твоей мамой они в полной безопасности. Мне иногда кажется, что она способна в одиночку остановить даже ядерную бомбардировку.

– Когда вы уже поладите?

– Тогда, когда она наконец признает, что ты теперь мой.

Он хочет поцеловать ее в губы, но целует в щеку, чтобы не размазать помаду. Ему нравится алый цвет на ее губах и нравится ее новый парфюм.

– Ты думаешь, будет весело? – спрашивает Матвей.

– Тебе же всегда нравилось общаться с Глебом.

– С трезвым Глебом. А сегодня его день рождения, и это второй день в году, когда все его пороки обретают свободу.

– Вот видишь – скучно точно не будет.

Они подъезжают к ресторану. Сногсшибательная хостес даже не спрашивает, бронировали ли они стол.

– Пойдемте. Вас уже ждут, – говорит она, растягивая улыбку до самых мочек ушей.

Они следуют за стуком ее каблучков вверх по лестнице. Глеб набрасывается на Матвея, норовя раздавить в объятиях. Мира сдержанно целует Веру.

Стол накрыт на сумму, равную стоимости месячного рациона среднестатистического жителя города. Коллекционный виски, лобстеры, фуа-гра, трюфели.

«Глеб всегда был снобом, – думает Матвей. – А сегодня ему исполнилось сорок, и он наконец добрался до вождяленной ступени высшего общества».

– Ты должен это попробовать, – говорит Глеб, наливая виски в стаканы с узорчатыми гранями.

– А у тебя, похоже, появился вкус, – говорит Матвей, глядя на бутылку с оленем. Хотя островной виски всегда казался ему слишком резким.

Дамам наливают шампанское, и Матвей встает, чтобы произнести тост.

– Мой брат. Мы с тобой прошли не одно болото. Ты заменил мне того старого козла, который бросил нас в детстве. Вместе мы отмылись от грязи, и теперь от тебя пахнет совсем не как от простых смертных. Ты вскарабкался так высоко, что, боюсь, мне тебя уже не догнать. Я хочу выпить за то, что

на этом пути ты не растерял своих принципов и не лишился любви к родным.

– До дна! – кричит Глеб.

Через два часа они поднимаются в бар. Жены уезжают домой, к детям, а мужчины продолжают погружение в беспмятство. Через три часа Глеб лишается адекватности. Матвей заводит его в уборную и умывает, пытаясь привести в чувство.

Пьяный Глеб шарит по карманам и достает пакетик с белым порошком.

– Давай, – говорит он почти нечленораздельно.

– Я не буду, – отвечает Матвей.

– Давай, я сказал.

Матвей заходит в кабинку и чертит на стеклянной полочке две жирных дороги, дробя их своей золотой картой. Потом скручивает сто долларов и, выходя, протягивает их Глебу. Тот исчезает за дверью кабинки, и Матвей слышит его глубокие вдохи носом. Выходит Глеб, держась за нос и вытирая раздраженные глаза.

– Ухх, – говорит он. – Как новенький. Ты будешь?

– Ты же знаешь, как я к этому отношусь.

– Очень зря. Товар чище, чем шелка девственницы.

Они возвращаются в бар. По одному и парами слетаются мотыльки и вороны, олицетворяющие высшее общество. Глеб здоровается с ресторатором, которому принадлежит это самое популярное среди местных кошельков место; целу-

ет в щеку певицу, возглавляющую песенные топ-чарты; обнимает мужчину, прикарманившего весь рынок металла в стране. Глеб представляет всем брата, и тот отвечает взаимностью на фальшивые улыбки.

Бармен наливает в два стакана островной виски. Ди-джей ставит «Feels» Кельвина Харриса, которая оказывается любимой песней Глеба. Он танцует, поднимая вверх стакан и занимая весь проход. Молодой амбал случайно задевает его, и виски разливается на пол.

– Ты хоть знаешь, сколько денег ты сейчас разлил? – кричит ему Глеб.

– Я добавлю, если тебе не хватит рассчитаться, – дерзко отвечает тот.

Они смотрят друг на друга, как боксеры перед боем. Глеб значительно ниже, и ему приходится задирать голову вверх.

Матвей подбегает и разнимает их. Он извиняется перед амбалом и забирает Глеба к бару.

– Ты себя бессмертным возомнил? – спрашивает Матвей.

– Бессмертным? Единственная его сила лишь в связях папы-чиновника.

– У него бицепс как твоя голова.

– С каких пор ты начал бояться качков? Ты же пачками их укладывал в колыбель в восьмиугольнике.

– Здесь не восьмиугольник.

– Да, обмяк ты, братец.

– Вот какой бес тебя вечно тянет вляпаться в какое-то

дерьмо? Разве ты не можешь хоть один свой день рождения закончить без неприятностей?

– Ладно. Пусть живет, но если еще раз тронет меня, пускай сразу звонит своему папочке.

– Ты же знаешь, что его старик держит в своих лапах половину страны.

– Та знаю я, но это не мешает мне его ненавидеть.

Вечеринка достигает пиковой отметки. Певица демонстрирует толпе шпагат, а вместе с тем и свои шелковые трусики. Каждые полчаса Глеб исчезает в уборной, где убирает за раз по две белоснежные полосы.

Музыка становится громче. Певица стреляет глазами в поисках жертвы. Матвею все больше хочется домой. Но если бросить Глеба, день рождения, как всегда, закончится фейерверком, долго тлеющим в памяти. Как в прошлый раз, когда он разнес половину стриптиз-клуба лишь потому, что стриптизерша не захотела уехать с ним.

Виски, сигарета. Виски, сигарета. Виски, сигарета. Певица отвергает Глеба и скрещивает ноги на диване возле молодого амбала, демонстрируя теперь свои загорелые бедра.

Очередной поход в туалет, и глаза Глеба, кажется, вот-вот вывалятся. Рука амбала обхватывает талию певицы – Глеб опрокидывает двойную порцию виски. Амбал целует певицу – Глеб с грохотом переворачивает барный стул. Суета. Охрана выбрасывает Глеба на улицу. Матвей выходит за ним.

– Вечеринка окончена, – говорит он, обнимая Глеба за

плечо. – Я вызову нам такси.

– Нет, – отвечает тот. – Вечер только начинается. Поехали.

Они садятся в такси, Глеб называет адрес.

– Куда мы едем? – спрашивает Матвей.

– В одно очень интересное место.

– Зачем ты сцепился с этим мажором? Вы же с его отцом только забыли прошлые обиды. Хочешь опять лишиться всех связей?

– Забыли обиды? Ты думаешь, я мог такое забыть? Думаешь, я забыл Викторию?

– Виктория – шлюха. Она всегда уходит к тому, кто предлагает больше, и ты это знаешь.

– Еще раз назовешь ее шлюхой, и я не посмотрю даже на то, что ты мой родной брат.

– Глеб, у тебя двое детей, жена, о которой можно только мечтать. А ты все равно не можешь смириться, что у тебя когда-то забрали красивую игрушку.

– Я никогда не смирюсь с тем, что у меня что-то забрали.

Матвей замолкает. Он знает, что завтра Глеб будет жалеть о своем поступке. Завтра он позвонит отцу амбала и извинится. Завтра все наладится, осталось только дожидаться, когда Глеб наконец упьется своей неадекватностью.

Они подъезжают к зданию со сверкающей вывеской. Глеб закуривает сигарету и тушит окурок в бетонной клумбе возле входа. Стриптиз-клуб. Конечно, куда еще он мог привезти Матвея в таком состоянии.

При входе Глеб кроет матом охранника, размахивающего перед ним металлодетектором. Потом уборка еще двух дорог в туалете, и они входят в главный зал.

За стеклянной стеной принимает душ брюнетка с пышными формами. В центре зала трутся друг о друга две стройные блондинки, переодетые в монашек. Из гостей в заведении лишь одна компания парней, которые, похоже, празднуют здесь свое совершеннолетие. Официантка в кружевном белье предлагает им вип-стол, стоящий на возвышенности. Глеб подходит к монашкам, и те, наклоняясь, принимают стодолларовые купюры в свои трусики.

Брат чувствует себя чужим, даже несмотря на количество выпитого. Да, девушки здесь самые отборные. Интерьер сверкает, как яйца Фаберже, но ему все равно это место кажется пошлым и грязным.

Они усаживаются за стол. Красотка-официантка приносит бутылку виски и ставит ее на стол так, чтобы мужчины могли вблизи разглядеть ее декольте. Глеб все время пропадает. То в комнате для частных танцев, то в туалете, вынюхивая очередную порцию порошка. Матвей не покидает свой стол. Глеб возвращается, рассказывая, как только что на его коленях выплясывали те самые монашки.

Входная дверь открывается, и Матвей тяжело выдыхает. Только этого не хватало. Молодой амбал входит под руку с певицей. Для Глеба это как для быка мерцающая красная тряпка.

– Поедем в другой клуб? – спрашивает Матвей.

– Та я в порядке, – отвечает Глеб, с глаз которого не сходит злоба. – Я их не трону. Пусть веселятся. Я даже закажу им бутылку виски, – что он и делает, подзывая официантку.

Потом Глеб оказывается за их столом, и они вместе выпивают. Он зовет брата, и теперь они сидят вчетвером.

После очередной порции виски певица поднимается на сцену. Ее пьяные движения лишены былой сексуальности. Выступление больше кажется юмористическим и вызывает смех и у Глеба, и у амбала. Они перешептываются.

– Мы выйдем поговорить с носу на нос, – говорит Глеб Матвею.

– Присмотри за этим падшим ангелом, – бросает амбал.

Он соглашается, радуясь, что враги наконец примирились. Певица липнет к нему. Она гладит его бедро, пошло глядя на изгибающихся перед ними блондинок, наряженных теперь в костюмы школьниц.

Новоиспеченные друзья не возвращаются через десять минут, и он начинает беспокоиться. Вместе с певицей они выходят из зала стрипа. В уборной ни Глеба, ни амбала. Они идут на улицу и натываются на неожиданную картину. Под клумбой, скрутившись, лежит Глеб, а амбал метелит его своими новенькими аирмаксами. Брат тут же бросается на него. Певица начинает кричать, заливая своим писклявым голосом всю округу.

– Отвали, сука! – кричит амбал. – Или будешь лежать ря-

дом.

– Прекрати! – кричит Матвей. Амбал отталкивает его. Глеб после очередного удара отключается, распластавшись на асфальте.

– Прекрати! – Матвей снова пытается оттащить амбала.

Еще толчок. Глеб не подает признаков жизни. Матвей отлетает назад на два шага, но удерживается на ногах. Он вспоминает все, чему научился на боях в восьмиугольнике. Два быстрых шага вперед. Прыжок. Мощный боковой справа в челюсть. Нокаут. Амбал без сознания падает назад. При приземлении его голова ударяется об угол бетонной клумбы. Мгновенная смерть.

На следующий день Матвея задержали. На свободу он выйдет через семь лет. Он не услышит первые слова своих двойняшек, не увидит их первые шаги, не отведет их в первый класс.

Через две недели Глеба выписывают из реанимации. Но брату он помочь не в состоянии, как и не в состоянии теперь отстоять свой бизнес от лап разгневанного чиновника – скорбящего отца.

Адам закрывает книгу и смотрит на старика. Мальчик видит, как из уголка его закрытого глаза скатывается слеза. Кардиограф, монотонно пищущий до этого и настолько привычный, что уже совсем незаметный, начинает истерить. В палату врывается медсестра. Через несколько минут прихо-

дит главврач и выводит Адама в больничный холл.

– Что произошло? – спрашивает мальчик главврача.

– Похоже, он просыпается.

– Можно мне побыть с ним?

– Лучше подожди здесь, – показывает доктор на диван. –

Мы позовем, если все будет хорошо.

Адам садится на диван. Он открывает книгу и читает послесловие.

«Прости меня» – фраза, неспособная отмыть нравственного калеку, коим я являюсь. Но если люди, под грудной клеткой которых затягиваются оставленные мной шрамы, наконец окончательно подтвердят свои выводы, может, им станет хоть немного легче.

Это совсем не способ оправдать себя и не мгновенное прозрение. Просто я окончательно подтвердил свои самые глубокие опасения. Вся моя жизнь строилась лишь на любви к себе, погоне за выгодой и отравлении своего окружения.

К чему все это? Просто последним булыжником на чаше моих весов, измеряющих добро и зло, стало то, что мой брат сел за решетку. Я не в силах помочь ему и не в силах помочь себе. Разгневанный, скорбящий отец – хуже палача, наверное, и не придумаешь. А если учесть, что этот палач вооружен самым мощным оружием современности – властью, выходит, шансы мои где-то очень близки к нулевой отметке.

Говорят, осознание проблемы – уже половина ее решения,

но это тоже не работает с такими, как я. Так что теперь мне только остается просить прощения. Но это совсем не поможет мне вытащить брата из тюрьмы. Если бы я не был тем пьяницей и наркоманом, он по-прежнему был бы счастлив в окружении своей семьи.

Эти слова неспособны отрастить палец на ноге у Веры. Из-за собственного тщеславия я загубил мечту всей своей жизни, и перспективная карьера футболиста закончилась на самом старте.

Это не поможет моим детям и жене. Быть может, помогут деньги, которые я оставляю им до последней копейки, но отца они точно не заменят. Хотя Вера, наверное, найдет им отца и получше. Без моих постоянных измен ей будет намного легче дышать.

От моего крика о прощении Дэн не вернет своего брата. Быть может, я и не виноват в смерти Семена, но его короткую жизнь я делал совсем невыносимой.

Меня зовут Глеб. Описывая эти истории и пытаясь посмотреть на себя со стороны, я все больше презирал свою мерзкую персону. Наверное, лучшим вариантом было бы и вовсе избавиться от нее этот мир.

Да, я думал об этом. Для этого мне даже не пришлось бы ничего делать. Просто остаться в городе и ждать, когда пуля скорбящего отца остановит мое сердце. Но это, наверное, было бы слишком лояльным приговором. Гораздо сложнее будет со всем этим жить дальше. Жить и прокручивать в го-

лове поступки, отравившие не одну жизнь.

Эта книга историй, о которых я очень сильно сожалею. В ней вырываются на свободу все грехи, которые только можно представить, и написал я ее, свято веря в то, что это хоть кому-то поможет задуматься.

На диван садится мужчина.

– Ну что, дочитал? – спрашивает он.

– Дочитал, – кивает мальчик, переполненный грустью. Он кладет книгу на диван рядом с собой.

– Что скажешь?

– Мне очень жаль его. Что было с ним потом?

– Ты читал его «Утреннее пение автомата»?

– Нет.

– Это его история о войне.

– Он был на войне?

– Да, и не на одной. Он служил бы и дальше, если бы не ранение.

– Тот поступок, – говорит мальчик. – Я бы очень хотел об этом написать.

Глаза мужчины становятся стеклянными.

– Ты хочешь узнать, что было до аварии?

– Если вам больно, не рассказывайте.

– Когда я рассказываю эту историю, боль, наоборот, уходит.

Два года назад.

К загородному дому подъезжает черный Citroen. Все вокруг ослепительно белое. Снег идет уже вторые сутки – пушистый и крупный. Утренний свет переливается на нем яркими отблесками. Немолодые Глеб и Вера выходят из машины и идут по расчищенной тропинке к крыльцу. Дверь открывается, из нее выбегает мальчик семи лет.

– Дедушка! – радостно кричит он и бросается Глебу на руки.

– Вот так всегда, – говорит Вера. – Бабушку мы совсем не замечаем.

– Привет, ба, – говорит мальчик.

– Привет, Кристиан.

В дверях стоят родители Кристиана, Аида и Марк, именно те, которые приходят в больницу к старику.

– Как доехали? – спрашивает Аида.

– Зима, как обычно, началась только в марте, – отвечает Глеб, пожимая руку своему Марку. – Но чистят исправно.

– Футбол через два часа, – говорит Марк. – Заходите.

– Тренировки не пропускаешь? – спрашивает Глеб у внука.

– Ни одной, – отвечает тот. – Вчера забил три гола. Мой первый хет-трик. Я бегаю быстрее всех, попробуй догони меня!

– А ну, давай. Кто первый к машине, тому и подарок.

Дед с внуком бегут к машине. Глеб специально поддается.

– Будущая звезда, – говорит он, когда они возвращаются. – Смотри, что у меня есть.

Глеб достает из кармана два билета.

– Лига чемпионов?! – кричит Кристиан. – Я впервые пойду на футбол?

– Ну, если мама отпустит.

– Мама! Ты отпустишь нас с дедушкой?

– Если будешь делать все уроки – отпущу, – улыбается Аида. – А то ни на что, кроме футбола, в этой голове нет места, – гладит она Кристиана по голове.

Все заходят в дом. В уютной гостиной накрыт большой стол.

– Как последняя книга? – спрашивает Марк у отца.

– Уже проверяют ошибки. Скоро сам прочитаешь.

– Очередной бестселлер? Режиссеры в этот раз точно уговорят тебя на фильм.

– Никаких фильмов. Денег мне и так хватает, а добровольно превращать свои работы в вылизанную бездарность я никогда не соглашусь.

– Конечно, он же у нас не доверяет никому, – говорит Вера, после чего начинает кашлять.

– Вы в порядке? – спрашивает Аида. – Какая-то вы бледная сегодня.

– Все в порядке, – отвечает она. – Не считая, конечно, мужа-писателя. Я отойду в уборную.

– Дедушка, а когда мне можно будет читать твои книги? –

спрашивает Кристиан.

– Когда забьешь свой первый гол в высшей лиге.

– Но мне не попасть туда раньше шестнадцати.

– Пеле в шестнадцать уже забивал за сборную Бразилии.

Чем ты хуже него?

– Я лучше. Ты же видел, как я быстро бегаю.

– Вот сегодня и посмотрим.

Вера выходит из уборной.

– Пора ехать, – говорит она. – По этим дорогам мы и до обеда не успеем.

– Я знаю объездные пути, – отвечает Глеб.

– Нет уж. Лучше я поведу, а то наша маленькая звезда футбола опять всю дорогу будет отвлекать тебя вопросами.

– Она просто ревнует, что ты любишь меня больше, – говорит Глеб внуку.

– Ба, я тебя тоже люблю! – кричит Кристиан, подбегая к ней.

Машина уезжает. Марк и Аида провожают ее взглядом.

– Он так их любит, – говорит Аида. – Хорошо все-таки, что твой отец вернулся.

Машина тянется по скользкой дороге. При въезде в город образовалась длиннющая пробка. Кристиан называет деду марки проезжающих навстречу автомобилей. Они сидят на заднем сиденье.

В городе дороги расчистили хорошо. Вера увеличивает скорость: на тренировку они уже опаздывают.

Машин спереди не видно.

– Может, сбавишь немного? – спрашивает Глеб.

– Прекрати говорить мне, как... – кричит Вера в ответ и замолкает.

Дорогу перебегают собака, и машина чудом не сбивает ее. Скорость не снижается.

– Тормози! – кричит испуганно Глеб. – Вера, тормози!

Ответа нет. Машина продолжает мчать вперед. Глеб бросается к жене и видит, что голова ее опущена. Она без сознания, и только ремень безопасности удерживает ее на месте.

– Вера! – кричит он. – Очнись!

– Очнись, ба! – кричит Кристиан.

Машину клонит в сторону встречной полосы. Мужчина лезет вперед и хватается руль одной рукой. Большая компания школьников переходит дорогу по зебре. Один из парней срысывает с головы Адама шапку и бросает ее на асфальт.

На пути лежачий полицейский. Автомобиль перелетает через него, и мужчина едва удерживает руль.

Он видит перепуганное лицо Адама, который смотрит ему прямо в глаза.

Слева встречная полоса. Справа газетный киоск. Он дергает руль вправо и, возвращаясь на заднее сиденье, накрывает собой Кристиана. Машина врезается в киоск, превращаясь в груды металла. Прибывшие на место происшествия спасатели констатируют две смерти.

Видео из видеорегистратора в этот вечер покажут во

всех новостях. Этот поступок оставит после себя много слез восхищения. «Старик пожертвовал семьей ради спасения школьников», «Две жизни в обмен на десять» и другие заголовки всплывут утром на обложках газет.

К Адаму и Марку подходит доктор.

– Вы можете зайти к нему, – говорит он с серьезным лицом. – Не задавайте ему вопросы, лучше отвечайте. Только спокойно.

– Хорошо, – кивает Марк.

К ним подбегает Аида. Мальчик чувствует исходящий от нее холод.

– Он проснулся? – возбужденно спрашивает женщина.

Мужчина обнимает ее.

– Тебе не стоит...

– Я просто хочу посмотреть ему в глаза, – перебивает она. – Я даже слова не скажу.

Они входят в палату. Старик лежит, повернув голову к двери. Увидев Марка, он улыбается. Улыбается он и глядя на Аиду, по щекам которой скатываются слезы.

Он видит Адама. Смотрит на его рыжие волосы. Выражение его лица становится озадаченным.

– Кристиан? – спрашивает он.

Женщина утыкается носом в плечо мужчины и начинает рыдать.

– Кто это? – кричит старик. – Где Кристиан?

Кардиограф начинает противно пищать.

Адам смотрит в глаза старику, и от этого взгляда того пробивает дрожь.

– Где Кристиан? – кричит старик. – Кристиан! Кристиан...

В комнату вбегают главврач и медсестра. Они просят всех уйти, и мальчик видит, как старику делают укол.

– Кристиан! – продолжает кричать он.

Мальчик уходит. Книга остается лежать на диване в больничном холле.

Для обложки использована фотография:

[Logan Fisher https://unsplash.com/photos/v06XQT0XwVU](https://unsplash.com/photos/v06XQT0XwVU)